

Арнольд Шварценеггер

Вспомнить все. Моя невероятно правдивая история

...За семь лет, прошедших между двумя фильмами «Терминатор», кардинально изменилось мое отношение к бизнесу. На всем протяжении восьмидесятых я словно одержимый вкалывал на съемках. Я был постоянно нацелен на вершину, стремился удваивать свой гонорар с каждым следующим фильмом, жаждал добиться рекордных кассовых сборов и стать величайшей звездой. Мне буквально была ненавистна необходимость спать. Работая над «Терминатором», я мечтал о том, как было бы хорошо работать безостановочно, словно машина. Тогда я всю ночь снимался бы в студии у Джима Кэмерона, а утром просто переодевался бы и отправлялся на натурные съемки с другим режиссером, работающим в дневную смену. «Вот это было бы классно! – рассуждал я. – Можно было бы снимать по четыре фильма в год!»

Но теперь, после «Терминатора-2: Судный день», я смотрел на все уже совершенно другими глазами. У меня была растущая семья. Я хотел спокойной, уютной жизни с женой и детьми. Хотел видеть, как растут Кэтрин и Кристина. Хотел проводить с ними больше времени, возить их куда-нибудь на каникулы. Хотел встречать их дома, когда они возвращаются из школы.

Поэтому я стал думать о том, как найти равновесие. Я решил, что идеальным ритмом будет снимать по одному фильму в год. Я стал общепризнанной звездой первой величины, поэтому мне больше не нужно было никому ничего доказывать. Но зрители ждали от меня новых фильмов, поэтому я должен был позаботиться о том, чтобы возвращаться к ним, и обязательно с чем-нибудь хорошим. Я хотел иметь возможность снимать любой фильм, если только мне понравится какой-то сценарий или меня увлечет какая-нибудь мысль. Однако теперь передо мной открылись и другие возможности, и одного кино мне уже было недостаточно.

Я подумал о том, чтобы поддерживать интерес к кино так же, как это делал Клинт Иствуд, приправлявший карьеру актера режиссурой и постановкой фильмов, – причем иногда он появлялся в своих собственных фильмах, а иногда и не появлялся. Мне пришлось по душе эта новая цель, вместе с новым риском потерпеть неудачу. Клинт в Голливуде был одним из немногих, кто умел мыслить трезво. Он всегда вкладывал свои деньги мудро и никогда их не терял. Ко всем своим деловым предприятиям – таким, как сеть ресторанов и гольф-клубов в Северной Калифорнии – он относился страстно. Клинт неизменно оставался одним из моих кумиров с тех самых пор, как я приехал в Америку. Я не знал, есть ли у меня такие же способности, как у него, но, возможно, теперь, когда одного кино уже было мне недостаточно, я тоже должен был попробовать себя в чем-нибудь новом.

И была еще одна совершенно другая сфера, в которой я мог попробовать проявить себя. Клинта избрали мэром его родного городка Кармел, штат Калифорния. Мне эта мысль также приходилась по душе, хотя я тогда еще не представлял себе, *какой именно* должности я буду когда-нибудь добиваться. К тому же на меня произвел впечатление постоянный контакт с семьями Шрайверов и Кеннеди, несмотря на то что в политическом плане мы находились по разные стороны баррикад.

В ноябре 1991 года к идее бороться за выборную должность меня совершенно неожиданно подтолкнул Ричард Никсон. Он пригласил меня к себе по случаю открытия праздничной благотворительной выставки в своей президентской библиотеке, которое должно было состояться через несколько часов после открытия библиотеки Рейгана. Я понимал, что многие ненавидят Никсона, не простив ему Уотергейтский скандал, обернувшийся такими проблемами для всей страны. Однако, если не брать это в расчет, я восхищался Никсоном и считал, что он был потрясающим президентом. Подозреваю, он догадывался о том, как я к нему отношусь, поскольку даже в самое тяжелое для него время я публично поддерживал его в средствах массовой информации. Больше того, мне

нравилось хвалить Никсона, так как есть у меня страсть восставать против всеобщего мнения и шокировать окружающих.

Приглашая меня на церемонию открытия, Никсон сказал мне по телефону: «Арнольд, я хочу, чтобы вы получили *удовольствие*». На самом же деле он, не сказав мне ни слова, устроил так, что я должен был выступить с речью. Я согласился, ни о чем не подозревая, и захватил с собой своего племянника Патрика, сына моего погибшего брата и его невесты Эрики Кнапп. Патрик, которому было уже двадцать с небольшим, недавно окончил юридический факультет университета Южной Калифорнии и устроился помощником к моему адвокату Джейку Блуму. Мне нравилось проводить с ним время и учить его, что есть что. Мы отправились на открытие выставки, собравшей около тысячи трехсот человек.

Никсон мастерски владел искусством обхаживать своих гостей, и это произвело на меня впечатление. Он сказал:

– Арнольд, я хочу пригласить вас к себе в кабинет.

– Мой племянник может пойти вместе со мной?

– О, разумеется.

Мы прошли в кабинет, и Никсон засыпал меня самыми разными вопросами: чем я занимаюсь, что происходит в кино, как я стал республиканцем, почему ввязался в политику. Ответив на все его вопросы, я выложил ему самое сокровенное: «Я приехал в Америку, потому что это лучшее место на земле, и сделаю все возможное, чтобы она и дальше оставалась лучшим местом на земле. И для этого нельзя допустить, чтобы всякие придурки боролись за президентское кресло и болтались в Белом доме. Нам нужны настоящие вожди. Нам нужно ясно представлять, как двигаться вперед, причем не только в Вашингтоне, но и по отдельности в каждом штате и в каждом городе. Поэтому я всегда должен быть уверен, что голосую за того, за кого нужно. Мне нужно знать, какие у этого человека взгляды, как он голосовал в прошлом, как он представляет интересы штата, хороший ли он лидер и так далее». Я рассказал о том, какие проблемы стоят перед Калифорнией в области здравоохранения и образования, – всей этой информацией я владел с тех пор, как стал председателем совета по физической культуре и спорту. И еще я говорил о том, как сделать штат более привлекательным для бизнеса.

Тут вошел помощник и сказал: «Господин президент, все уже готово. Вас ждут». Мы встали и направились к выходу, но тут Никсон обернулся и сказал мне: «Вы должны бороться за пост губернатора штата Калифорния. Если вы на это пойдете, я окажу вам всяческую поддержку, насколько это только будет в моих силах». Его заявление стало для меня полной неожиданностью, потому что до того мы ни словом не обмолвились об этом. И вообще до Никсона никто всерьез не предлагал мне идти в большую политику.

Когда мы вошли в зал, Никсон предложил Патрику сесть, а мне сказал: «А вы оставайтесь здесь, около сцены». Там уже стояло несколько человек, в том числе комик Боб Хоуп, и я присоединился к ним.

Затем Никсон подошел к микрофону и начал говорить. Речь получилась хорошая, непринужденная, и на меня произвело впечатление то, что говорил он без бумажки. Никсон красноречиво рассказал о библиотеке и о той задаче, которая перед ней стоит, перечислил свои достижения, упомянул про те начатые им программы, которые необходимо продолжать. «И, конечно, нельзя не сказать о том, что у меня есть замечательные последователи. Друзья, вы отвечаете за то, чтобы довести до конца мои начинания, и я очень признателен вам за вашу поддержку, – сказал он. – А сейчас я хочу представить вам человека, с которым связано будущее нашего штата и...»

Дальше я уже ничего не слышал, поскольку сердце гулко заколотилось у меня в груди.

«Быть может, Никсон хочет просто упомянуть обо мне», – подумал я. Но я знал, что на самом деле он предложит мне выступить. Во мне началась внутренняя борьба. Одна моя часть говорила: «Твою мать! Я совершенно не готов!», но другая возражала: «Парень,

сам Никсон говорит о тебе. Радуйся!» Я услышал, как президент сказал: «Арнольд, поднимайся сюда», и раздались аплодисменты. И я поднялся на сцену и повернулся к залу, ломая голову, что сказать всем этим людям. И тут Никсон шепнул мне, но так, что это услышал весь зал: «Думаю, тебе нужно сказать несколько слов».

К счастью, если ты относишься хорошо к какому-нибудь человеку, тебе прекрасно известно, чем это объясняется, поэтому слова идут от души. Я не колебался ни мгновения. Мне даже удалось пошутить: «Ну, мне всегда очень приятно, когда меня просят выступить без предварительного уведомления, но все равно, огромное вам спасибо!» Это вызвало смех. Далее на протяжении нескольких минут я рассказывал о том, как стал республиканцем. Я рассказал, как впервые увидел Никсона по телевизору во время избирательной кампании 1968 года, когда «он говорил о *поддержке правоохранительных органов*». Несколько человек захолопали. Я продолжал: «Никсон поддерживал военных, Пентагон, военное присутствие во всем мире. Америка может быть сильной только тогда, когда у нее *сильная армия!*» Снова аплодисменты.

«И еще Никсон говорил о строительстве экономики, которая будет глобальной. Он говорил об устранении всех торговых барьеров и тарифов, и о том, что в конечном счете мы должны защищать *наше процветание*, а не наш труд!» Громкие аплодисменты. «Я слушал все это, затаив дыхание. А поскольку я приехал из социалистической страны¹, особенно мне понравились слова: «сбросьте государство со своей спины!». Аплодисменты и восторженные крики.

«И с того самого момента я стал ярим сторонником этого человека. Я неизменно поддерживал его, и сегодня я здесь, поскольку по-прежнему поддерживаю его. Нам нужно побольше таких вождей, как он!» Теперь уже все хлопали и кричали. Я чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Потом президент Никсон снова отвел меня к себе в кабинет и сказал: «Помни то, что я говорил тебе о борьбе за пост губернатора».

Я почувствовал, что мысль о большой политике, предложенная таким человеком, как Никсон, является чем-то реальным. Однако для меня она пока что еще не стала чем-то вроде «теперь это непременно случится». Я не заикливался на ней, не устанавливал конкретные сроки, не говорил себе: «Это будет обязательно сделано в следующем году». Я оставался спокоен.

¹ Будем считать это фигурой речи Шварценеггера. Впрочем, возможно, некоторые американские политики до сих пор полагают, что Австрия когда-то была социалистической.